

это, теперь же только по инерции, по привычкѣ поступаетъ такъ, какъ онъ это призналъ должнымъ прежде.

Въ томъ или другомъ случаѣ причиной его поступка было не извѣстное явленіе, а признаніе извѣстнаго положенія истиной и, вслѣдствіе того, признаніе того или другого явленія достаточной причиной поступка.

Бѣсъ-ли человѣкъ или воздерживается отъ пищи, работаетъ или отдыхаетъ, бѣжитъ опасности или подвергается ей, если онъ сознательный человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, какъ поступаетъ, только потому, что теперь считаетъ это должнымъ, разумнымъ: считаетъ, что истина состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ, а не иначе, или уже давно прежде считалъ это.

Признаніе же извѣстной истины или непризнаніе ея зависитъ не отъ внѣшнихъ, а отъ какихъ то другихъ причинъ, находящихся въ самомъ человѣкѣ. Такъ что иногда при всѣхъ внѣшнихъ, казалось бы, выгодныхъ условіяхъ для признанія истины, одинъ человѣкъ не признаетъ ее, и, напротивъ, другой при всѣхъ самыхъ невыгодныхъ къ тому условіяхъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ признаетъ ее. Какъ это и сказано въ Евангеліи: «и никто не придетъ ко мнѣ, если Отецъ не привлечетъ его къ Себѣ» (Іоан. VI, 44), т. е., что признаніе истины, составляющее причину всѣхъ явленій жизни человѣческой, не зависитъ отъ внѣшнихъ явленій, а отъ какихъ то внутреннихъ свойствъ человѣка, но подлежащихъ его наблюденію.

И потому человѣкъ, не свободный въ своихъ поступкахъ, всегда чувствуетъ себя свободнымъ въ томъ, что служитъ причиной его поступковъ, — въ признаніи или непризнаніи истины. И чувствуетъ себя свободнымъ не только независимо отъ внѣшнихъ, происходящихъ внѣ его событий, но даже и отъ своихъ поступковъ.

Такъ человѣкъ, совершивъ подвѣяніемъ страсти поступокъ, противный сознательной истинѣ, остается все таки свободнымъ въ признаніи или непризнаніи ея, т. е. можетъ, не признавая истину, считать свой поступокъ необходимымъ и оправдывать себя въ совершеніи его, и можетъ, признавая истину, считать свой поступокъ дурнымъ и осуждать себя въ немъ.

Такъ игрокъ или пьяница, не выдержавшій соблазна и поддавшій своей страсти, остается все таки свободнымъ признавать игру и пьянство или зломъ, или безразличной забавой. Въ первомъ случаѣ онъ, если и не тотчасъ избавляется отъ своей страсти, тѣмъ больше освобождается отъ нея, чѣмъ искреннѣе онъ признаетъ истину; во второмъ же онъ усиливаетъ свою страсть и лишаетъ себя всякой возможности освобожденія.

Точно такъ же и человѣкъ, не выдержавшій жара и, не спасши своего товарища, выбѣжавшій изъ горящаго дома, остается свободнымъ (признавая истину о томъ, что человѣкъ съ опасностью своей жизни долженъ служить чужимъ жизнямъ) считать свой поступокъ дурнымъ и потому осуждать себя за него; или (не признавая эту истину) считать свой поступокъ естественнымъ, необходимымъ и оправдывать себя въ немъ. Въ первомъ случаѣ — въ томъ, когда онъ признаетъ истину, не смотря на свое отступленіе отъ нея, онъ готовить себѣ цѣлый рядъ неизбежно шибующихъ вытечь изъ такого признанія самоотверженныхъ поступковъ; во второмъ случаѣ готовить цѣлый рядъ противоположныхъ первымъ эгоистическихъ поступковъ.

Не то, чтобы человѣкъ былъ свободенъ всегда признавать или не признавать всякую истину. Есть истины, давно уже признанныя или самимъ человѣкомъ или переданныя ему воспитаніемъ, преданіемъ и принятыя имъ на вѣру, слѣдованіе которымъ стало для него привычкой, — второй природой, и есть истины, только ясно, вдалекѣ представляющіяся ему. Человѣкъ одинаково несвободенъ въ непризнаніи первыхъ и въ признаніи вторыхъ. Но есть третій родъ истинъ, такихъ, которыя не стали еще для человѣка безсознательнымъ мотивомъ дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ такою ясною открылись ему, что онъ не можетъ обойти ихъ и неизбежно долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ, признавъ или не признавъ ихъ. По отношенію этихъ то истинъ и проявляется свобода человѣка.

Всякій человѣкъ въ своей жизни находится по отношенію къ истинѣ въ положеніи путника, идущаго въ темнотѣ при свѣтѣ впереди двигающагося фонаря: онъ не видитъ того, что еще не освѣщено фонаремъ, не видитъ и того, что онъ прошелъ и что закрылось уже темнотою, и не властенъ измѣнить своего отношенія ни къ тому, ни къ другому; не онъ видитъ, на какомъ бы мѣстѣ пути онъ ни стоялъ, то, что освѣщено фонаремъ, и всегда властенъ выбрать ту или другую сторону дороги, по которой движется.

Для каждаго человѣка есть всегда истинны, невидимыя ему, не открывшіяся еще его умственному взору, есть другія истинны, уже пережитыя, забытыя и усвоенныя имъ, и есть извѣстныя истины, при свѣтѣ его разума возставшія передъ нимъ, и требующія своего признанія. И вотъ въ признаніи или непризнаніи этихъ то истинъ и проявляется то, что мы сознаемъ своей свободой.

Вся трудность и кажущаяся неразрѣшимость вопроса о свободѣ человѣка происходитъ отъ того, что люди, рѣшающіе